

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Вольф Мессинг

В. Л. Стронгин

Судьба
пророка

АСТ
ПРЕСС

Варлен Львович Стронгин Вольф Мессинг. Судьба пророка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602385

Судьба пророка. Вольф Мессинг / Варлен Стронгин: АСТ-Пресс Книга;

Москва; 2009

ISBN 978-5-462-00583-1

Аннотация

Загадка Вольфа Мессинга, заключающаяся в его способности предвидеть будущее и с поразительной точностью «читать» мысли других людей, не объяснена до сих пор. Однако многого не знал и не понимал даже он...

Содержание

О чем не знал Вольф Мессинг	4
Местечковое детство	9
Юноша в хрустальном гробу	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Варлен Стронгин

Судьба пророка.

Вольф Мессинг

О чем не знал Вольф Мессинг

Вместо предисловия

Я впервые увидел Вольфа Мессинга в конце 1947 года на сцене Государственного еврейского театра на Малой Бронной, которым руководил народный артист СССР Соломон Михайлович Михоэлс. Вечер состоялся в понедельник, в выходной для актеров день, и значительно пополнил бюджет малопосещаемого тогда театра. Намечался разгром еврейской культуры, и слова «еврейский буржуазный национализм» были у всех на слуху. Люди боялись ходить в этот театр. Кое-кто, чтобы помочь ему, покупал абонементы, но на спектаклях не появлялся. Зато на вечере Вольфа Мессинга зал был набит до отказа. Стулья поставили даже в центральном проходе. И несмотря на то, что вскоре в моей семье наступили тревожные времена и в феврале 1948 года был арестован отец – директор Государственного издательства еврейской литературы «Дер Эмес» («Правда»), – кон-

церт Вольфа Мессинга поразил меня настолько, что я и сейчас, спустя полвека, помню до мельчайших подробностей все опыты этого чудо-человека.

Из зрительного зала, освещенный прожекторами, он казался волшебником, но не добрым и веселым, с легкостью творившим любые чудеса, а сосредоточенным и взволнованным. На каждый удачный эксперимент со зрителями Вольф Мессинг затрачивал немало энергии, вежливо кланялся рукоплескавшему залу и через мгновение уже работал снова, с напряжением всех своих физических и умственных сил. К концу вечера на его лбу выступили капельки пота.

Я не знаю, как называли бы Мессинга сейчас: экстрасенсом, парапсихологом, гипнотизером или, как прежде, ясно-видящим, но не сомневаюсь, что его концертные выступления, предваряемые скромной афишей «Психологические опыты», собирали бы аншлаги.

Загадка Вольфа Мессинга, заключающаяся в его способности предвидеть будущее и с поразительной точностью «читать» мысли других людей, не объяснена до сих пор. Однако многого не знал и не понимал даже он. Будучи по существу эмигрантом, не понимал до конца порядков, царивших в СССР, не всегда – интерес к себе вождя страны. Но твердо он уяснил одно: Советский Союз спас его от гибели в фашистских застенках – в лагере смерти Майданек, где в душегубке закончили жизнь его беспечные братья, думавшие, что их заставляют раздеваться перед тем, как запустить в баню,

отец, сомневавшийся, что их могут убить, их – невинных людей, не принесших никакого зла ни немцам, ни иным людям. В сознании Мессинга не раз возникали перекореженные от дикого страха лица родных и других заключенных, вылезавшие на лоб безумные глаза, когда в камеры, набитые голыми телами обреченных, пускали смертельный газ.

Душа Вольфа Мессинга содрогалась от этих видений, но глаза оставались сухими, лишь следы перенесенных страданий угадывались в его облике. Причем только тогда, когда он оставался наедине с собой. Он должен был выглядеть бодрым и оптимистичным, как и большинство окружавших его людей, строивших «первое в мире светлое и победоносное государство социализма». Но Мессинг, родившийся вдалеке от центра России, казался этим людям весьма странным: резкие, нервные черты явно не русского лица, зачесанные назад слишком длинные волосы, порой испуганные глаза – все это привлекало к нему внимание бдительных созидателей нового общества, считавших, что капиталистическое окружение так и норовит заслать в их страну шпионов и диверсантов. Святой долг этих людей состоял в том, чтобы немедленно отвести подозрительного типа куда следует. Что они нередко и делали. Личность Вольфа Мессинга устанавливалась довольно быстро, его отпускали, но он не понимал, почему в России, где все нации равны, его задерживают, как врага, наподобие того, как в нацистской Германии хватили каждого человека, похожего на еврея.

Он не понимал, почему на его выступления в любом советском городе народ валом валит, но кое-кто из зрителей недоверчиво, а иногда и враждебно смотрит на него; почему перед концертом ведущая читает лекцию, «раскрывающую» суть его способностей, о которых он даже не подозревал и с объяснением которых был не согласен. Мессинг пробовал возражать, но компетентные люди намекнули ему, что без этой лекции он видел бы стены не концертных залов, а в лучшем случае барачных тюремных построек. Один журналист в откровенной беседе поведал Мессингу, что, отгадывая мысли на расстоянии, тот разрушает материалистическую теорию марксизма-ленинизма, но его всемогущий покровитель смотрит на это сквозь пальцы, считая, что массы не заподозрят в выступлении политического подвоха и примут это за чудо ясновидения, в которое, возможно, верит и сам небожитель.

Вольф Мессинг не знал, что среди его зрителей были и другие люди, понимающие, что живут при тоталитарном строе, что марксистско-ленинское учение построено на догмах и определенный им путь к светлому будущему ведет в пропасть. Вольф Мессинг не знал, что своими опытами зарождаёт у наиболее просвещенных и смелых граждан сомнение в правильности этого пути. Пожалуй, он одним из первых внес сумятицу в сознание людей, забитых коммунистической идеологией, заставил их задуматься над жизнью страны, не способной вырваться из тисков страха и нищеты.

Вольф Григорьевич Мессинг, сумевший постичь неведомое, на самом деле не знал многого о жизни новой для него страны, не догадывался обо всех своих возможностях, был не в состоянии научно объяснить проводимые им опыты. В его жизни доброе и злое были так круто перемешаны, что этот дикий сплав до последних дней мешал ему обрести желанный покой и удовлетворение.

Местечковое детство

Вольф Мессинг родился в России, точнее, на территории Российской империи, в крохотном еврейском местечке Гора-Кавалерия, близ Варшавы и в двухстах километрах от Киева. Произошло это 10 сентября 1899 года – в канун двадцатого столетия. Может, конец одного и начало другого века – особое время, когда рождаются гениальные дети, посланные Богом или природой, чтобы таким своеобразным путем прославить прошедшее, заложить генетический фундамент будущего или просто напомнить людям о достойных родителях?

О первых годах детства у Вольфа осталось не слишком много воспоминаний: «Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья – отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустарником отец, который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьяный аромат яблок, собранных для продажи... Помню лицо отца, ласковый взгляд матери. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось немало пережить» – отзвуки погромов в Кишиневе и Киеве, беспросветную нищету, когда одну селедку делили на шестерых членов семьи... Запомнил Вольф и свою первую любовь. Наверное, она

была похожа на Бузю – героиню произведения великого Шолом-Алейхема. «Наступил милый, славный день Пасхи. Нас обоих нарядили во все новое. Все, что надето на нас, блестит, сверкает, шуршит. Я гляжу на Бузю и вспоминаю „Песнь песней“, которую перед Пасхой я учил в хедере. Вспоминаю строфу за строфой: „О ты, прекрасная подруга моя, ты прекрасна! Глаза твои как голуби, волосы подобны козочкам, спускающимся с горы, зубки – белоснежным ягнятам, из реки вышедшим, все как один, словно их одна мать родила. Алая лента – уста твои, и речь твоя слаще меда“.

Скажите мне, почему, глядя на Бузю, невольно вспоминаешь «Песнь песней»? Почему, когда учишь «Песнь песней», на ум приходит Бузья?.. Я чувствую себя странно легким, мне кажется, у меня выросли крылья: вот поднимусь ввысь, полечу».

Наверняка нищие полуголодные дети мечтали о богатстве, не представляя себе, откуда оно возьмется, видимо думая, что свалится им на голову или будет ниспослано Богом.

«Будь я Ротшильдом!» – восклицал юный Мессинг, вторя герою Шолом-Алейхема и мечтая устроить своей Бузе на земле рай небесный, но принимая за него лишь сносные условия быта. И Бузья благодарно смотрела на юношу только за то, что он желает положить к ее ногам целый мир, впрочем не представляя его лучше и богаче, чем Вольф.

Детей пускали на свадьбы – удивительные вечера, где можно было вдоволь поесть и забыть обо всех своих горе-

стях и несчастьях. На свадьбах пели много веселых песен. Вольфу особенно нравилась та, где тесть шутливо хвастался наиболее уважаемыми гостями, включая легендарно богатого Лазаря Полякова, получившего дворянский титул и скончавшегося в 1914 году. Из Парижа тело его перевезли в Москву. На похороны из Лондона приехала побочная дочь Полякова – знаменитая на весь мир балерина Анна Павлова. Помимо строительства двух синагог – ныне центральной и ортодоксальной – Лазарь Поляков по просьбе И. В. Цветаева содействовал сооружению Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). Давал деньги на музыкальное и балетное образование Анны Павловой, помогал молодежи: построил гимназию, лицей цесаревича Николая, в Ельце – железнодорожное училище, в Петербурге – ремесленное, а также еврейскую больницу в Москве. Один из сыновей Полякова перебрался в Англию, где за развитие мануфактур получил от королевы звание сэра. Однажды, путешествуя по Европе, он зашел за кулисы к уже известному тогда Мессингу, представился.

– Вы тот Поляков? Из песни?

– Нет, – усмехнулся гость, – в песне пели о моем отце, а вот кто-то из рода Поляковых остался в России. Там сейчас запрещена коммерция. Чем он занимается? Как живет? Я грущу, вспоминая о нем... Вы – ясновидящий, может, можете мне? Вы – моя последняя надежда, – со слезою на реснице вымолвил Поляков.

– В России остался один из Поляковых. Он жив! Владимир Соломонович Поляков! – постарался обрадовать гостя Мессинг.

– Вы серьезно говорите? Вы видите его?! – изумился «английский» Поляков, заметив, как напряглось лицо Мессинга и в экстазе задрожали руки. Потом его тело окаменело. Он впал в транс. Поляков уже хотел было вызвать врача, но неожиданно его остановил пришедший в себя Мессинг.

– Ведь вы из моего детства, – грустно произнес он. – Вы – одно из моих редких радостных воспоминаний. Отец, братья и другие родственники погибли в Майданеке. Мама умерла раньше, наверное, предчувствовала беду, грозящую семье, всем евреям. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет. Ничего... А ваш родственник, Владимир Соломонович Поляков, живет в Ленинграде, он пишет веселые сценки для гениального артиста, сценарии для кинокомедий (В. С. Поляков тридцать лет сотрудничал с Аркадием Райкиным, был, совместно с Б. Ласкиным, сценаристом кинофильма «Карнавальная ночь». – В. С.). И я вижу... вижу... как вы встречаетесь с ним немолодые. Плачете от радости. Обнимаетесь. Потом – тринкен – выпиваете за встречу и... поете. Кажется, ту песенку, где упоминается Лазарь Поляков.

– Не может быть! – изумляется гость. – При «железном занавесе», опущенном между нашими странами, эта встреча невозможна!

– Извините, но занавес, даже железный, иногда приподни-

мается, – улыбнулся Мессинг, – вы встретитесь в Лондоне! – сказал он, направляясь на сцену.

– Мне верить в это или нет?! – вдогонку Мессингу крикнул Поляков, но ответа не услышал. Он вспомнит об этом разговоре только через полвека, когда к нему, девяностолетнему, приедет в гости из Москвы семидесятилетний Владимир Соломонович с молодой женой. Они обнимутся, заплачут, выпьют по рюмке русской водки и огрубевшими, хрипылыми от старости голосами запоют популярную у бедных евреев свадебную песню...

Что еще запомнил Вольф Мессинг из своего детства?

Как ни странно, корыто, глубокое, с закругленными краями, такие продавались на базарах. Хозяйки ходили вокруг него и цокали языками. Полезная в хозяйстве вещь, но дороговатая. Сколько раз спотыкался об него Вольф, когда летом направлялся к открытому окну, за которым в небе сияла луна. Мать наполняла корыто водой, и Вольф, попав в нее ногой, останавливался. Луна по-прежнему манила к себе, но он понимал, что ему никогда не добраться до этого чудесного загадочного светила в окружении бесконечного множества звезд. Вольф думал, что небо похоже на землю, если смотреть на нее с большой высоты. Одни люди излучают свет, как эта луна, другие, менее удачливые и не столь именитые, кажутся звездочками, а остальных, бедных и несчастных, скрывает темнота, их не видно. Косые улочки, угловатые дома, заборы, лавки, синагоги, русские церкви – все они

спрятаны во мраке. Может, поэтому Вольфу хочется засверкать хотя бы как самой малой звездочке на небе, заявить о себе, доказать, что он не зря появился на этом свете...

Ноги мерзли в холодной воде, и Вольф возвращался в кровать, но завтра, перед сном, он незаметно от родителей заберется на крышу дома и оттуда будет любоваться луной и звездами. Это зрелище окрыляет, и он мечтает вырваться из беспросветной нужды, взлететь высоко к звездам, держа за руку юную Бузю. Потом он удивится, увидев воплощение своих грез на картинах известного художника Марка Шагала, своим творчеством перелетевшего далеко за пределы родного Витебска...

История с корытом упомянута не случайно.

Сон мамы был чуток, и однажды она проснулась, услышав, что Вольф встал с кровати, подошел к окну, за которым ярко светила луна, и попытался влезть на подоконник. Мать перепугалась, рано утром побежала к раввину, который, по ее мнению, знал все, и рассказала ему о происшедшем. Раввин задумался, почесал бороду, затем открыл толстенную книгу и вычитал из нее, что мальчик, по всей видимости, страдает лунатизмом, то есть снохождением.

– Ой! – в страхе вскрикнула мама. – Спит и ходит и не чувствует, не замечает этого!

– Да, пребывая во сне, ходит, совершает другие более сложные движения и может даже производить различные непредсказуемые действия, – не вынимая носа из книги, про-

говорил раввин.

Мама заплакала, приложив платок к глазам, но раввин стал успокаивать ее и предложил очень простой способ – будить мальчика, когда он направляется к окну.

– Значит, нам с отцом придется не спать по ночам? – вздохнула мама, но тут же убедилась, что раввин настолько умен, что способен найти выход из любого положения.

– А вы поставьте между кроватью ребенка и окном большой таз с водой, – сказал раввин, довольно почесывая бороду. – Мальчик намочит ноги и очнется!

Так и получилось. Вольф, ступая в холодную воду, просыпался. В своих мемуарах он пишет об этом кратко и с одной целью: возможно, какой-нибудь на первый взгляд совсем незначительный эпизод окажется важным для разгадки его способностей и принесет пользу науке.

Далее Вольф вспоминает: «Вся семья была очень набожной – тон этому задавали отец и мать. Бог в представлении моих родителей был суровым, требовательным, не спускавшим ни малейших провинностей. Но честным и справедливым... Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца... К нему нельзя было прийти и пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он бил, не церемонясь, без тени жалости на лице, обиженный был для него вдвойне виноватым за то, что позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных удержаться на плаву в жестоком и беспо-

щадном мире».

Вольф потом удивлялся, что никак не мог четко представить лицо матери, вспоминались лишь глаза, полные любви и сострадания к детям. Когда отец наказывал их, она грустила, иногда до слез, и приговаривала: «Тише! Не так сильно!» Если перечила отцу, то так, чтобы дети не слышали. Вольфу казалось, что ему она уделяет внимания больше, чем братьям, потому что он лучше учился и выглядел болезненным ребенком. «Не надо меня так нежно обнимать», – однажды подумал он, но не сказал, словно предчувствуя судьбу братьев. И еще он помнил, что мама была бледной. Даже у горячей плиты кровь не прилиwała к лицу. Она редко выходила из дома, чаще летом, любила эту пору, тепло. Закончив дела по дому, шла в сад и смотрела, как отец ухаживает за яблонями. В эти минуты была спокойной, но вряд ли счастливой. Она всегда заботилась о своих детях и никому из соседей не позволяла ругать их. Лишь потом, дома, терпеливо объясняла кому-либо из братьев, в чем он был виноват или не прав. Когда мама болела, Вольф, конечно, жалел ее, но даже представить не мог, что мама, его мама, может навсегда уйти из жизни. Однажды во время ее болезни он так разволновался, что даже пропустил занятие в хедере, не отходил от ее кровати. Но отец, к удивлению Вольфа, на этот раз не наказал его, наверное, догадываясь или зная от лекаря, что мать больна тяжело...

Когда маму несли на погост, Вольф старался запомнить

ее лицо и поразился его спокойствию. Казалось, она устала от жизни, от постоянных хлопот по хозяйству и сейчас впервые безмятежно отдыхает. Он запомнил ее ласки, нежность, добрые советы, но лицо, как потом ни силился, вспомнить не мог.

Зато резкое, злое лицо отца во время наказаний надолго запечатлелось в памяти до мельчайших черточек. Иногда люди, принесшие боль и обиду, запоминаются лучше, чем добрые, – таков один из парадоксов жизни. И облик отца в хорошем расположении духа, собирающего яблоки в саду, виделся ему расплывчатым, в дымке перегретого солнцем воздуха.

– Ты необычайный ребенок, – однажды заметил он Вольфу, – молчишь, когда я наказываю тебя, словно о чем-то задумываешься и не чувствуешь боли, и, чем сильнее я бью, тем бесстрастнее становится твое лицо, словно ты переходишь в другой мир, где не действует моя сила.

– Не знаю, папа, – сказал Вольф, – может быть, ты говоришь правду, но я плачу, когда ты наказываешь моих братьев, мне тяжело, когда ты бьешь их, особенно самого маленького и больного.

Отец нахмурился, отвел от сына глаза.

– Я делаю это ради вас самих, – стоял он на своем, – в жизни вам придется испытывать и терпеть куда большие муки!

– Страшные муки! – вдруг привстал с дивана Вольф. – Мне кажется, что я представляю их, папа! Мне страшно!

– Хотя ты и странный ребенок, – усмехнулся отец, – но не до такой же степени, чтобы видеть будущее! Интересно, а как выгляжу я? В твоей сумасбродной фантазии?

– По участи... ничем не лучше сыновей, – сказал Вольф и достал из кармана носовой платок, чтобы вытереть слезы, – не мучай меня расспросами о будущем!

– Ладно, сынок, – неожиданно смягчился отец и обнял Вольфа за плечи. – А что будет с мамой?

– Она не увидит твоих мучений! – истерично выкрикнул Вольф и выскочил из комнаты.

Больше они с отцом на эту тему не разговаривали.

Мессинг вспоминает: «Когда меня отдали в хедер – школу, организуемую для еврейской бедноты, занятия вел раввин и основным предметом, преподаваемым там, был Талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть... У меня была отличная память, и в этом довольно бессмысленном занятии – зубрежке Талмуда – я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом...»

Чтобы заработать на жизнь, писатель, которого Максим Горький позже назовет «исключительно талантливым сатириком и юмористом», разъезжал по местечкам с чтением своих рассказов. Это его весьма смущало, поскольку казалось для сочинителя делом непристойным. Но когда Шолом-Алейхем узнал, что таким трудом не брезговали Марк Твен и Бернард Шоу, то приободрился.

Жители местечка Гора-Кавалерия решили удивить его и показали девятилетнего мальчика, проявившего чудеса в изучении Талмуда. Юный Вольф благоговел перед великим писателем, но тем не менее прямо, открыто посмотрел на гостя и увидел устремленный на него из-под очков внимательный взгляд, доброе обаятельное лицо с коротко подстриженными бородкой и усами. Писатель окинул мальчика пронизывающим взглядом.

– Глаза... Удивительные глаза ребенка! Они светятся! – воскликнул Шолом-Алейхем.

– Он болен? – встревожилась мама, а стоящие рядом соседи оживленно загудели.

– Он одаренный мальчик, очень одаренный! – с воодушевлением произнес писатель.

– Вольф станет мудрым ребе! – радостно вымолвил набожный отец.

– Не уверен, – заметил Шолом-Алейхем, – возможно, он знает судьбы людей. Даже мое будущее. Он видит его сквозь время. Очень глубокий и пронизывающий его взгляд! Весьма необычный мальчик. Я впервые встречаю ребенка, под взглядом которого робею, словно он знает обо мне то, чего не ведаю я сам!

– У вас будет прекрасное будущее! – сказал мальчик и вдруг погрузился. – Но вы уедете из этих мест. Далек и навсегда...

– Когда это случится? – растерянно спросил писатель.

– Когда белое покрывало опустится на двор дома в Киеве, где вы будете жить. Покрывало будет не из снега или материи, а из пуха вспоротых перин, – с грустью проговорил мальчик.

– Он намекает на погром! – зашумели евреи. – Он огорчил уважаемого писателя! Бесстыжий мальчик!

– Не ругайте его! – прервал людей Шолом-Алейхем. – Он многое видит, и его слова недалеко от истины. Я предчувствую это.

Писатель уехал из местечка, не предполагая даже, насколько точен оказался в своем предсказании мальчик. Ведь именно после очередного погрома в Киеве в самом начале века Шолом-Алейхем решил оставить страну. А покидая Гора-Кавалерию, он нежно потрепал Вольфа по щеке:

– Не знаю, кем ты будешь, мальчик. У тебя явно пророческие способности. Ты можешь стать знаменитым. Со временем. Развивая свое умение. И на твоем пути могут встречаться опасные люди. Будь осторожен с ними. И не отступай от цели. Никогда! – улыбнулся писатель и тронул извозчика за плечо: – В путь!

А Вольф остался и продолжал учебу в хедере. Родители были уверены, что он станет раввином. К этому подталкивала сама жизнь, сама обстановка в нищем местечке, где можно было занять достойнейшее положение, только став богослужителем. Местный раввин, зная о способностях Вольфа, решил направить его в иешибот, готовивший духовных лиц.

Но мальчик неожиданно отказался туда ехать, что сильно расстроило родителей. Мама хваталась за сердце, руки отца тянулись к розге. А душу Вольфа терзали сомнения – чутье, внутренний голос подсказывали, что его ожидает другая судьба, более интересная. Дело решил случай. Произошел ли он в действительности или это фантазия литзаписчика (Вольф Мессинг до конца жизни плохо владел русским языком, и его мемуары записывал кто-то другой) – судить сейчас трудно.

Однажды вечером у своего дома Вольф встретил странного высокого человека в широких одеждах, с длинной бородой, который, как божий вестник, воздел к небу руки.

– Богу угодна твоя молитва! Иди в иешибот, мальчик! – исступленно возопил незнакомец. Вольф потерял сознание. Очнулся дома. Родители выслушали его, и мама неожиданно вскрикнула, а отец внушительно произнес:

– Бог указал тебе путь. Иди в иешибот, сын мой!

Иешибот находился в другом городе. Опять Вольф засел за Талмуд. Спал в молитвенном доме.

Прошло два года. Он, наверное, стал бы раввином, если бы не увидел в иешиботе того мужчину, которого прежде принял за божьего посланника. Те же одежды, тот же громовой голос. «Я испытал потрясение не меньшее, чем в момент первой встречи с ним. Значит, отец просто сговорился с этим прошедшим огонь и воду проходимцем, может быть, даже заплатил ему, чтобы тот сыграл свою „божественную

роль“. Значит, отец попросту обманул меня, чтобы заставить пойти в иешибот! Если пошел на обман мой всегда справедливый и правдивый отец, то кому же можно верить?!.. Тогда ложь все, что я знаю, все, чему меня учили... Может, лжет и Бог?! Может быть, его нет и совсем? Ну, конечно же, его нет, ибо, существуй он – всезнающий и всевидящий, он не допустил бы такое... Он на месте поразил бы громом нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени. Нет Бога. Нет Бога...

Примерно такой вихрь мыслей пронесся у меня в голове, мгновенно разметав в клочки и очистив мой разум от всего того мусора суеверий и религиозности, которым меня напичкали в семье и духовных школах...»

Оставим на совести литзаписчика и историю с прошедшим огонь и воду «проходимцем», и мгновенное отречение одиннадцатилетнего Вольфа от Бога, от «мусора суеверий и религиозности». Наверняка все было сложнее и иначе. Но перед нами мемуары Вольфа Мессинга, и нет других свидетельств и свидетелей событий того времени, случившихся с юношей. Вряд ли он думал так, как записано в мемуарах: «...мне нечего было больше делать в иешиботе, где меня пытались научить служить несуществующему Богу... Я не мог вернуться домой к обманувшему меня отцу». Возможно, юный Вольф чувствовал, что не найдет в удушающей местечковой жизни выхода своим способностям, которые, скорее всего, не связаны со служением Богу. С уходом за садом

управляются отец и братья. Жаль было расставаться с матерью. Вольф считал, что искренне и крепко только она одна любит его. Вдруг вспомнились ее слова: «Мама не живет вечно», и ему показалось, что он догадывается о времени ее смерти: она не доживет до лета, которое любила, уйдет из жизни весной, когда первые ручейки побегут по улицам...

«Но только не в этом году, – немного успокоился Вольф, – надо преуспеть в жизни, оправдать ожидания матери как можно быстрее, пока она жива...»

Вольф подсчитал, что за один день совершил три преступления, ну если не преступления, так дурные поступки: сломал кружку с пожертвованиями «на Палестину», где оказалось всего девять копеек, накопал на чужом поле картошки и испек ее в тлеющей золе костра, без билета нырнул в вагон первого же проходившего поезда. Спал он тревожно, ему снилась мать, у которой начался сердечный приступ, когда она узнала, что сын исчез из иешибота. «Прости, мама», – подумал Вольф и решил при первом удобном случае послать родным весточку о себе. И еще ему стало грустно при мысли, что он покинул родное местечко, которое не виновато в том, что бедно и убого, в том, что расположено в так называемой черте оседлости.

Позже он похоронит мать и воспримет как проявление своеобразной божьей доброты то, что она умерла в одночасье, без мучений, как говорится, своей смертью. И Вольфу не подумается, как его сверстнику из рассказа Шолом-Алей-

хема, что теперь он свободен от забот и обязанностей, он – сирота! Вольф почувствует дикое одиночество, и окружающий мир покажется пустым без матери, без человека, который постоянно заботится о нем, охраняет от напастей и неосторожных поступков. Охраняет даже на небесах. И когда потом Вольф сталкивался с сочувствием, с доброжелательностью людей, то считал, что они посланы ему мамиными молитвами.

Юноша в хрустальном гробу

Переход Вольфа от местечковой жизни к городской прошел быстро и сопровождался немаловажными событиями. Поезд, в котором он лежал под скамейкой, приближался к Берлину. Вольф, наверное, был единственным пассажиром, которого не волновало, прибудет состав на конечную станцию вовремя или опоздает. Он боялся лишь одного – попасться на глаза кондуктору, и, чем дольше тот не появлялся в вагоне, тем более волновался Вольф. Он страшился не столько сдачи полиции, сколько того, что его высадят ночью на неизвестной маленькой станции, где не устроиться на работу и можно запросто умереть с голоду.

Замедляя ход, поезд приближался к Познани, и над съжившимся от страха юношей склонилось внимательное лицо кондуктора:

– Ваш билет?

Из темноты на кондуктора испуганно смотрел юноша. Он нашел под скамейкой клочок грязноватой бумаги и, напрягая все силы, до боли в голове и суставах, захотел, чтобы кондуктор принял его за билет. Была ночь, вагон освещался плохо, Вольф надеялся на чудо, старательно внушая кондуктору: «Это билет, это билет...» И вдруг чудо свершилось! Железные челюсти компостера щелкнули бумажку. Станным кондуктору показалось только то, что юноша лежал под ска-

мейкой. Фонарем он осветил лицо Вольфа:

– Зачем же вы с билетом под скамейкой едете? Есть же места. Поспите. Скоро будем в Берлине.

Спустя много лет, читая роман Лиона Фейхтвангера «Братья Лаутензак», прототипом одного из которых – Оскара – был личный ясновидящий Гитлера по фамилии Ганусен, Вольф Мессинг поражался его удивительному умению внушать людям буквально все, что пожелает, нередко для того, чтобы просто поиздеваться над ними.

Однажды перед спектаклем в театре «Оскар решил: пусть высокомерный и пузатый бонза немножко попотеет. Толстый советник спокойно развалился в кресле и очень быстро дал себя усыпить. Оскар внушил советнику, что ему жарко, ужасно жарко. Райтбергер раскраснелся, фыркал, утирал пот. Оскар внушил ему, что они едут купаться в Ванзее. И вот они уже на берегу озера. Муниципальный советник Райтбергер разделся и остался в одних кальсонах, а публика визжала, орала, бесновалась от восторга».

Забегая вперед, скажем, что Мессинг и Ганусен познакомились в Берлине в 1931 году. Мессинг сразу почувствовал в этом человеке умелого гипнотизера и ясновидящего. Наверное, что-то подобное ощутил в Мессинге и Ганусен, но отнесся к нему как к конкуренту и процедил сквозь зубы: «Доннер веттер!» («Черт побери!»)...

В отличие от Ганусена Мессинг никогда не будет использовать свои способности во вред людям или в насмешку над

ними, только для помощи или самозащиты, и то в экстремальной ситуации, подобной безбилетному пребыванию в берлинском поезде. Тогда Вольф посчитал совершенное им чудом. Он не спал до утра, пытаясь объяснить случившееся, даже вспомнил про свой лунатизм, но ответа не находил. Вольфа охватил страх – ему хотелось быть обычным парнем, таким же, как сверстники. Но надо было жить дальше, оставаясь самим собой. О том, чем наделила его природа, он узнавал постепенно, воспринимая ее дары то с удивлением, то со смятением в душе, отчего становился все более нервным.

И вот мальчика встретил большой и, как ему тогда показалось, сумрачный город с каменными, на века построенными домами, переполненный людьми, машинами, с красивыми площадями, арками, бульварами, но чужой и равнодушный к тем, кто не имел здесь ни крова, ни занятий. Еще в Гора-Кавалерии Вольф узнал, что в Берлине существует улица, где собираются выходцы из родных ему мест. Он разыскал ее и почти сразу получил должность посыльного в доме приезжих. Носил вещи, пакеты, мыл посуду, чистил обувь, получая за свой нелегкий труд буквально гроши. Но то были первые деньги, заработанные им самим. Жаль, что этого не знали мать и отец, ведь денег на письмо пока не хватало. Вольф пытался поднакопить нужную сумму, голодал, и это могло кончиться весьма трагически.

Как-то раз его послали с пакетом в один из пригородов

Берлина. Внезапно он почувствовал, что теряет сознание. Дома и люди поплыли перед глазами, и прямо на мостовой Вольф упал в голодный обморок. О лежащем на асфальте юноше сообщили в полицию. Врач осмотрел его – пульса нет, тело холодное – и посоветовал перевезти в морг. Вольфа собирались похоронить в общей могиле вместе с другими бездомными, не имеющими документов, никем не востребованными мертвецами. Юноше, однако, неслыханно повезло: он попался на глаза неукоснительно соблюдавшему правила студенту, проходившему в морге практику.

Тот внимательно осматривал трупы и, когда дошел до Вольфа, обнаружил, что у него бьется сердце, еле-еле, но бьется. Вызванный студентом профессор Абель подтвердил: юноша жив. Вольфа высвободили из груды мертвецов, и на третьи сутки профессор привел его в чувство. Вольф потом очень сожалел, что не запомнил имя студента и разыскать его в большом городе не мог, однако благодарность к нему сохранил на всю жизнь.

Немного людей приходило тогда ему на помощь, и для признательности места в сердце хватало с лихвой. Почетное же занимал профессор Абель, талантливый психиатр и невропатолог, хорошо известный в медицинских кругах. Тогда ему было лет сорок пять. Невысокого роста, с полным лицом, обрамленным пышными бакенбардами, он по-доброму и внимательно глядел на пациентов. «Видимо, ему я обязан не только жизнью, но и открытием моих способно-

стей и их развитием, – позже писал Вольф Мессинг, – Абель объяснил мне, что я находился в состоянии каталепсии, вызванной малокровием, истощением, нервными потрясениями. Его очень удивила открывшаяся у меня способность полностью управлять своим организмом. От него я впервые услышал слово „медиум“. Он сказал: „Вы удивительный медиум...“ Тогда я еще не знал значения этого слова. Абель начал ставить со мной опыты. Прежде всего он старался привить мне чувство уверенности в себе, в свои силы. Он сказал, что я могу приказывать себе все, что мне захочется».

Анализируя действия героя романа Лиона Фейхтвангера Оскара Лаутензака, невольно приходишь к мысли, что при создании своего произведения писатель брал консультации у того же профессора Абеля. Жили они в Берлине, в одно время, и моя версия может быть вполне вероятной. Вот как описывает Фейхтвангер состояние транса у Оскара: «Он вдруг остановился посреди комнаты. Его взгляд уловил какую-то точку на стене или, вернее, в воздухе, впился в нее, но ненадолго. Потом лицо его словно опустело, обмякло, красные губы раздвинулись, обнажив крепкие белые зубы. Он вернулся неверной походкой к своему креслу, упал в него и как будто оцепенел, погруженный в себя, к чему-то прислушиваясь с отсутствующим видом и растерянной, глуповатой улыбкой... Оскар ощутил в голове или, быть может, в груди какой-то легчайший шорох, точно там едва слышно рвалась шелковая ткань. Окружающие его предметы исчезли.

Он словно вышел за пределы самого себя. Он видел».

Не столь художественно, но по существу приблизительно так же описывали Вольфа Мессинга свидетели, видевшие его в состоянии транса.

Вместе со своим другом и коллегой профессором-психиатром Шмидтом Абель учил юного Вольфа внушению, проводил с ним специальные опыты. Жена Шмидта мысленно отдавала ему приказания, и он исполнял их. Она была первым из его индукторов, которыми позже стали многочисленные зрители, посещавшие выступления Вольфа Мессинга.

Первый ее опыт состоял в следующем: в печку спрятали серебряную монету, достать которую Вольф должен был не через дверцу, а разрушив молотком одну кафельную плитку в стенке. Это свидетельствовало бы о том, что он мысленно получил приказ, а не догадался о нем. Вольф взял молоток, разбил плитку и через образовавшееся отверстие вынул монету. Абель даже захлопал от радости и улыбнулся. Вольф Мессинг (или его литзаписчик) потом отметит: «...с этих людей, с улыбки Абеля начала мне улыбаться жизнь». А это значит, Вольф перестал голодать.

Абель познакомил его с импресарио – господином Цельмейстером, представительным мужчиной лет тридцати пяти, любившим повторять: «Надо работать и жить». Он, как и большинство других импресарио и эстрадно-театральных администраторов, право работать предоставлял в основном подопечным, оставляя за собой несложные заботы об аренде

концертных площадок и составлении контрактов с артистами. Любил вкусную еду, марочные вина и красивых женщин. А средства на это приносил ему гвоздь программы открытого им в Берлине паноптикума – Вольф Мессинг. Он ложился в хрустальный гроб, приводил себя в каталептическое состояние и на протяжении трех суток лежал недвижимо, внешне ничем не отличаясь от покойника.

Замечу, что в начале века паноптикумы существовали в больших городах всего мира, не обошли они и Россию. Вот как описывает подобное зрелище в Саратове писатель Константин Федин:

«Паноптикум, где лежит восковая Клеопатра и живая змейка то припадет к ее сахарной вздымающейся груди, то отстранится. Панорама, показывающая потопление отважного крейсера в пучине океана, и в самой пучине океана надпись: „Наверх вы, товарищи, все по местам, – последний парад наступает! Врагу не сдастся наш гордый „Варяг“, пощады никто не желает!“ Кабинет „Женщины-паука“ и „Кабинет женщины-рыбы“. Балаган с попугаем, силачом и балериной. Балаган с усекновением на глазах публики головы черного корсара. Балаган с танцующими болонками и пуделями. Театр превращений, или трансформации мужчин в женщин, а также обратно. Театр лилипутов. Дрессированный шотландский пони. Человек-аквариум. Хиромант, или предсказыватель прошлого, настоящего и будущего. Американский биоскоп. Орангутанг. Факир... Все эти чудеса спрятаны в таин-

ственных глубинах – за вывесками, холстинами, свежим тесом, но небольшими частицами – из форточек, с помостов, крылец – показываются для завлечения зрителей, и народ роится перед зазывалами, медленно передвигаясь от балагана к балагану и подолгу рассчитывая, на что истратить заветные пятаки – на Клеопатру, крейсер или орангутанга».

Берлинский паноптикум, где работал Вольф Мессинг, был меньшим по масштабам, но более своеобразным зрелищным предприятием – здесь демонстрировались только живые экспонаты. В одном помещении стояли сросшиеся боками девушки-сестры – подобие, а точнее, разновидность сиамских близнецов, у каждой из которых было свое сердце, легкие, – словом, свой организм. Возможно, Цельмейстер схитрил и хирургически сшил их или при помощи какого-то приспособления имитировал соединение. Девушки вели себя развязно и отпускали в адрес проходящих мужчин довольно скабрзные шутки.

Другое помещение занимала толстая полуобнаженная женщина с большими обвислыми грудями и огромной пышной бородой, которую она время от времени расчесывала. Кое-кому из приглянувшихся зрителей она разрешала пощупать свои груди или подергать за бороду. Большинство выбирало бороду.

В третьем помещении сидел безрукий мужчина в трусиках, способный пальцами ног на удивление ловко тасовать и сдавать игральные карты, сворачивать самокрутку, зажигать

спичку. Около него всегда толпились люди. Еще он умел рисовать ногами. Закрепленными между пальцами карандашами набрасывал портреты желающих и получал за это дополнительный заработок, впрочем, как и женщина с бородой, если посетитель паноптикума надолго задерживался у этой дивы и «исследовал» ее тело.

А в четвертом павильоне всегда стояла толпа зевак. Здесь три дня, находясь на грани жизни и смерти, лежал в хрустальном гробу чудо-юноша Вольф Мессинг. Платили за это пять марок в сутки – несусветно большую для него сумму. Ее хватало, чтобы сытно есть и кое-чем помогать родителям. Тогда-то Вольф и послал им первую весточку о себе, о том, что не пропал, что нашлись добрые люди, научившие его ремеслу. Какому именно, он не сообщил. И потому, что не считал это занятие вечным для себя, и потому, что понимал: он только начинает познавать свои способности, видимо необычные, если ими заинтересовались медицинские светила.

Влияние на Вольфа двух ученых оказалось весьма плодотворным. Он стал понимать отдаваемые ему распоряжения значительно быстрее и точнее, чем раньше. Из массы поступающих в сознание мыслей научился выделять именно ту, которая была необходима. Абель не уставал твердить:

– Тренируйте, развивайте ваши способности! Не давайте им заглохнуть, исчезнуть или забыться.

Один из персонажей романа Лиона Фейхтвангера «Братья

Лаутензак», председатель Психологического общества профессор Гавличек, пригласил Оскара Лаутензака для изучения его телепатических возможностей. При этом Оскару запрещалось заниматься телепатией за деньги – это могло причинить вред его дару, нарушить «чистосердечность» опытов. Оскар запрет нарушил. Он упустил время для создания книги, способной принести ему славу (правда, лишь в узком кругу ученых), но успел набросать тезисы к ней. Если не принимать во внимание звучное и чересчур рекламное название книги: «Величие телепатии и ее границы», то тезисы совершенно верны, что, кстати, и подтвердил на практике Вольф Мессинг. Оскар Лаутензак утверждал, что «подлинный талант... может читать мысли других гораздо полнее и точнее, чем принято думать. Тот, кто обладает этой способностью, обладает обычно и даром внушения. Хороший телепат почти всегда бывает и хорошим гипнотизером. Однако было бы нелепым предрассудком считать, что телепат способен вызывать умерших, предсказывать будущее и тому подобное. Всякий, кто заявляет, что может это делать, – шарлатан».

В погоне за деньгами Оскар упустил возможность посвятить себя целиком своему дару, не развивал его, сужал границы телепатии, исключая из ее арсенала предсказание будущего, хотя сам в дальнейшем не раз представлял себя как ясновидящего. Гавличек говорил ему: «Человек, читающий чужие мысли, выступая перед широким кругом зрителей, вероятно, может неплохо заработать. Но от этого пострадает

его дарование. Мне, по крайней мере, не довелось видеть ни одного телепата, который, выступая публично на сцене, не гнался за эффектами, а такого рода погоня лишает вас непринужденности и чистосердечия. Какой же он ясновидящий, если вносит в свои опыты „искусство“, преднамеренность? Чего же тогда стоит все его чтение мыслей?»

Лион Фейхтвангер, без сомнения, повидал на своем веку множество телепатов. Советский писатель Константин Федин встретил одного из них даже на ярмарке в Саратове. Видимо, на самом деле существовали люди, наделенные подобными способностями, но постепенно они превращались в шарлатанов и вызывали недоверие к телепатии как к вполне реальному явлению. Весьма любопытно, на мой взгляд, размышление профессора Гавличека из романа Фейхтвангера о ясновидении: «...способность ясновидения – не преимущество, а недостаток. Он (Гавличек. – В. С.) считал ее пережитком более ранней ступени развития человечества. Подобно аппендиксу и копчику у человека сохранилось от тех времен, когда его критические способности, его разум были еще слишком мало развиты, множество атавистических, теперь уже ненужных инстинктов, сохранилась способность к предчувствиям, не контролируемым рассудком».

Не будучи специалистом, не стану комментировать интересное и столь же спорное предположение Лиона Фейхтвангера и возвращусь к Вольфу Мессингу, точно следующему советам профессоров Абеля и Шмидта. По их предложению

«в свободные четыре дня недели я ходил на берлинские базары. Вдоль прилавков с овощами, картофелем и мясом стояли краснощекие молодые крестьянки и толстые пожилые женщины из окрестных сел. Покупатели были редки, и в ожидании их многие продавцы сидели, задумавшись о своем. Я... „прослушивал“ простые и неспешные мысли немецких крестьян о хозяйстве, о судьбе дочери, неудачно вышедшей замуж, о ценах на продукты, которые упрямо не растут... Но мне надо было не только „слушать“ эти мысли, но и проверить, насколько правильно мое восприятие. И в сомнительных случаях я подходил к прилавку и говорил, проникновенно глядя в глаза:

– Не волнуйся... Дочка не забудет подоить коров и дать корм поросятам... Она хоть и маленькая еще у тебя, но крепкая и смышленная.

Ошеломленный всплеск руками, восклицания удивления убеждали меня, что я не ошибся».

Поражает целеустремленность юного Вольфа, одержимость, с какой он пытается познать свои способности. За этим, помимо честолюбия, кроется свойство истинного творца, в данном случае создателя самого себя как личности.

«Абель научил меня... способности выключать силой воли то или иное ощущение. Когда я почувствовал, что научился вполне владеть собою, я начал выступать в варьете Зимнего театра – Винтергартене... в роли факира. Заставлял се-

бя не чувствовать боль, когда мне кололи иглами грудь, насквозь прокалывали иглою шею...»

Через многие годы, уже находясь в СССР, Вольф Мессинг смеялся, читая умную и «грустно-веселую» повесть Всеволода Иванова «Приключение факира». Замечательный и до удивления наблюдательный писатель, к сожалению недостаточно оцененный современниками и потомками, в своих произведениях старался описать жизнь в ее самых различных проявлениях. Не прошел он и мимо выступления Вольфа Мессинга: «В заключение на сцену выходил артист, одетый под миллионера. Блестящий фрак. Цилиндр. Усыпанные перстнями руки. Золотая цепь к золотым часам, висящая на животе. Бриллиантовые запонки... Затем на сцене появлялись разбойники. Они „убивали миллионера“, а драгоценности его (естественно, фальшивые) раздавали посетителям, сидящим за столиками, с просьбой спрятать в любом месте, но только не выносить из зала. Затем в зале появлялся молодой сыщик Вольф Мессинг. Он шел от столика к столику и у каждого столика просил прелестных дам и уважаемых господ вернуть ему ту или иную драгоценность, спрятанную там-то и там-то. Чаще всего в заднем кармане брюк, внутреннем кармане фрака, в сумочке или туфельке женщины. Номер этот неизменно пользовался успехом. Многие стали специально приходить в Винтергартен, чтобы посмотреть его».

Если бы Всеволод Иванов увидел современные шоу фокусников, то наверняка описал бы их более язвительно. Во-

первых, они, как правило, бессюжетные, а во-вторых, построены даже не на ловкости рук, а на простом обмане. Взять хотя бы известный номер «Сжигание женщины» знаменитого Кио-отца. В установленный на манеже шатер входила очаровательная молодая женщина. Шатер поджигался со всех сторон и через пару минут сгорал вместе с женщиной, разумеется прячущейся в специально подготовленной камере под манежем. А из форганга через несколько секунд под аплодисменты выбегала та же женщина. Как считали зрители. На самом деле это была ее сестра-близнец, ничем не отличающаяся от «сгоревшей». Сестрам-близнецам не разрешалось жить в одном номере, даже в одной гостинице, и общаться между собой на людях. Их никогда не видели вместе, и зрители-простаки действительно принимали номер за чудо, сотворенное великим фокусником, кстати, показавшим себя в ряде других номеров человеком небесталанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.